

— Полагаю, это уже должно было стать... привычным для меня. — Я вздохнула, глядя на Джамиллию, которая нервно теребила край скатерти. — Это моя родная планета, и я не могу ожидать, что мы будем вести себя так, как ведут себя другие. Но, глядя на нее, я вспоминаю, почему она мне с самого начала не нравилась. Она такая... напряженная. Очевидно, что Джамиллия понятия не имеет, что делает. Она ела по минимуму, ее движения были скованными, словно она боялась испачкать свои официальные регалии. Даже сквозь тяжелый макияж я видела, как она напряжена. Ее плечи были напряжены, а рот сжат в тонкую линию сосредоточенности. Я вспомнила свои чувства перед собственной инаугурацией. Четырнадцатилетняя девочка, управляющая целой планетой... Страх, нервы, тошнота — все это захлестнуло меня за несколько минут до того, как я вышла к своему народу. Но я справилась, выжила и, несмотря на разруху, которую пережил Набу, провела свой народ через вторжение. — По правде говоря, ей досталась самая легкая часть пути, так чего же ей, черт возьми, нервничать? — пробормотала я себе под нос. — Все, что ей нужно сделать, — это продолжить начатое мной дело. Тем не менее, я помню, каково это, поэтому... постараюсь сдержать свой язык. Хотя до того, как стать королевой, я большую часть своей жизни занималась политикой, не думаю, что смогла бы справиться с кем-то вроде себя после нового избрания. Мне не потребовалось много времени, чтобы понять, что политика в молодежном законодательном собрании Набу даже близко не стоит с политикой в Сенате. Но я училась. Причем довольно быстро. Нужно было либо учиться, либо быть съеденным гундарками — политиками Галактического Сената. Быть политиком — все равно что быть в джунглях Микра: выживают только сильные, и, когда ты думаешь, что у тебя есть союзники, те же самые люди разворачиваются и убивают тебя насмерть. Предполагается, что в политике нет ничего невинного, но я была такой, и несколько человек проявили ко мне большую доброту, пока я не узнала правила игры. Так что в интересах отдачи я проявлю к ней милосердие... по крайней мере, пока. Это самое малое, что я могу сделать. Я подняла глаза, чтобы встретиться с ее глазами, когда Джамиллия деликатно прочистила горло. Она аккуратно поставила столовые приборы на стол, а затем посмотрела мне прямо в глаза. — Я подозреваю, что вы знаете, почему вы здесь, — начала она без предисловий, ее голос был тверд и ясен. — Мне... нет, нам, Набу, нужен сенатор. Я хочу, чтобы этим сенатором стал ты. Я молчала, не сводя с нее взгляда. Слегка нахмурившись, она подняла руку, указывая, что слуги должны уйти. Как только последний из них вышел, она поднялась со своего места. Я подняла брови, когда она села в кресло рядом со мной. Она подняла руку и аккуратно сняла головной убор со своей головы, после чего аккуратно положила его на стол. Она повернулась ко мне, ее взгляд из красного дерева был напряжен. — Королева Амидала, я ни минуты не буду сидеть здесь и говорить, что понимаю, через что вы прошли во время войны. Я не стану уговаривать вас стать сенатором, потому что подозреваю, что не смогу. Мало того, судя по вашей репутации, избранная королева или нет, вы бы разорвали меня в клочья. В этом я не сомневаюсь. — Она слабо улыбнулась мне, прежде чем продолжить. — Но то, о чем я прошу тебя, касается не меня и не тебя. Речь идет об этой планете и людях, которые здесь живут. Если бы был кто-то другой, я бы выбрала его или ее просто потому, что знаю: то, о чем я прошу, — это очень много. Но больше никого нет. Нет никого более квалифицированного, чем вы. Наступила тишина, пока я обдумывала ее слова. Должна сказать, она не такая, как я ожидала. Меня трудно впечатлить, и хотя я еще не дошла до этого, я уже была близка к этому, хотя бы потому, что она скрывала свой страх передо мной. — Я не единственный квалифицированный человек на Набу, — сказала я, мой голос был монотонным, как и подобает королеве. — Здесь много политиков, имеющих большой опыт общения с Галактическим Сенатом. — Это правда, — ответила Джамиллия, кивая. — Но они не такие, как вы. Она оттолкнулась от кресла и встала, повернувшись ко мне спиной. Я проводила ее взглядом, когда она подошла к большому окну. — Не так давно мне посчастливилось увидеть вас в действии в Сенате, — тихо сказала Джамиллия, отодвигая занавеску, чтобы выглянуть наружу. — В тот момент я поняла, что вы — лучшее, что можно придумать для этой системы. Должна признать, что пытаться занять ваше место — задача не

из легких, и я не уверена, что справлюсь. Но... Она повернулась ко мне, и в ее глазах вспыхнул огонь. — Если вы станете сенатором Набу, мне не придется занимать ваше место. Мы были бы... партнерами, и планета уважала бы нас как таковых. Я ухмыльнулась, когда она наконец перешла к делу. Если я стану сенатором, она будет хорошо выглядеть, ее поддержат даже те, кто ее недолюбливает. Джамилия победила с небольшим перевесом, и до сих пор идут споры о том, нужно ли пересчитывать голоса. И вместо того, чтобы разобраться с этой неразберихой, она делает следующее: использует меня, чтобы получить немедленный всплеск популярности на Набу. Вот что я ненавижу и от чего пытаюсь избавиться. Должна признать, что Джамилия сделала это с большим тактом, чем большинство политиков, но она все равно пытается использовать меня так же, как и всех остальных. Меня не будут использовать, больше не будут. — Неужели ты думаешь, — холодно начала я, и черты моего лица перешли в усмешку, — что я стану сенатором только для того, чтобы поднять твою популярность? Джамилия на мгновение замолчала, а затем качнула головой. — Нет, это не так. — Она подошла ко мне и снова села. — Вот почему я предлагаю тебе благо. — Благо? — без выражения спросила я, поднимая брови. — Да, — смело ответила она, кивая. — Я дам тебе одно благодеяние, какое пожелаешь, когда стану королевой. Также, если ты решишь представлять нас, я дам тебе свободу действий в Сенате. Конечно, я буду просить продвигать определенные программы, но по большей части ты будешь сама себе хозяйкой и не потерпишь от меня никаких негативных политических последствий, что бы ты ни делала. На мгновение я замолчала, меня охватило изумление. Я забираю назад свою предыдущую оценку. Джамилия совсем не хорошо обучена; она просто дура. Ни за что на свете я не сделала бы такого предложения никому, особенно такому, как я. Я — неконтролируемая сила, и так было уже давно, и это довольно известный факт. А что, если я попрошу что-нибудь возмутительное, например, ее первенца? — Я знаю, о чем ты думаешь, — мягко прервала она мои мысли, глядя в пол. — Ты думаешь, что я дура, и это правда. Так и есть. — Никто в здравом уме не сделает такого предложения, — произнесла она, делая паузу и глубоко вздыхая, словно собираясь с силами. — Но я пытаюсь удержать вас не ради себя, а ради этой планеты. Я люблю Набу, всегда любила. Именно поэтому с самого начала мечтала стать королевой. Она повернулась ко мне, на лице играла грустная улыбка. — Я знаю, что случилось во время войны. Я не воевала, но видела разрушения. Наш тогдашний сенатор, который должен был защищать нас, не справился. Но вы... вы... — Джамилия посмотрела мне в глаза, и казалось, что все ее существо сосредоточено на мне. — Я верю, что вы сделаете все, что в ваших силах, законно или нет, чтобы подобное никогда больше не случилось с Набу. Во время вторжения вы были королевой, поэтому не могли заставить Сенат действовать; вас связывали определенные политические... ограничения, свойственные королевской особе. Но как сенатор... — глаза Джамилии заблестели. — В качестве сенатора у вас не будет таких ограничений.